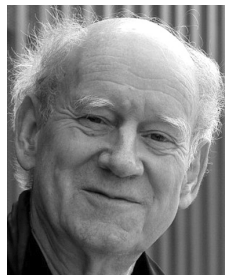

Юраниц

Холер (Швейцария)

Торт

Выходя из вокзала Локарно, через несколько шагов попадаешь в пассаж, где с картонками пом-фрит и банками кока-колы сидят молодые люди в футболках и пестрых шапках. Там же на ступенях расставлены металлические столы и стулья, что не совсем отвечает атмосфере фастфуда, и если приглядеться, то можно заметить, почему. Эти ступени ведут в сад старого Гранд Отеля Локарно, который в окружении кипарисов, пальм и пышных рододендронов возвышается подобно чуду из других времен, со своей обширной центральной террасой, где среди колонн с цветочными вазами застыли каменные фигуры, как будто они только что закончили свой танец под музыку курортного оркестра.

Хотите пройти дальше к Пьяцца Гранде, или у вас найдется немного времени, чтобы услышать одну историю, начало которой связано с этим отелем?

Я услышал ее в одном доме, построенном в те же времена, но вовсе не похожим на Гранд Отель: в доме для престарелых в одной из долин в округе Локарно.

Это здание более скромное, средняя секция задвинута между двумя угловыми башнями, перед ней большая мощеная площадь, переходящая в крытую аллею глициний, а наверху, там, где в Локарно меняющимися свой цвет светящимися буквами сияет название отеля, на этом старческом приюте непреходящей мозаикой выложено имя его основателя.

В этот приют привели меня в прошлом году личные дела. Кантон Тесин решил упростить распределение участков многочисленных земельных наделов и предложил их владельцам возможность объединения или обмена, и так как у меня есть в Альпах небольшой участок с сарайчиком, на котором мы летом с удовольствием проводим пару дней, подобное предложение пришло и ко мне, и я решил посетить владельца соседнего с моим надела. Тот с недавнего времени жил в этом приюте, мы были знакомы, и он обрадовался моему посещению, и долго сетовал на слабеющее зрение и на свой диабет, который доконал его ноги, так что он теперь едва может ходить, короче говоря, на всю разрушенную систему своего организма, для которого годится только одно простое слово – старость. Я предложил ему земельный обмен, с которым он быстро согласился. Он расспросил меня о состоянии тамошнего источника, о старых каштановых деревьях, и сам рассказал мне о временах своего детства, когда в его деревне было еще 600 голов скота, из которых в наши дни не осталось даже ни одной-единственной коровы.

Во время нашего разговора его сосед по комнате лежал в постели без движения с полуоткрытым ртом и только время от времени издавал тихий стон. Когда я попытался спросить его, что с ним, он никак не отреагировал.

«Он уже давно ничего не слышит, – сказал мой знакомый, – ему скоро стукнет сто лет, и мне кажется, что он уже давно хотел бы умереть, но все никак не может».

Мы продолжили наш разговор, и я спросил его, видел ли он раньше там на склоне диких кабанов, и тут сосед на постели поднял голову и произнес: «Un giorno vanno trovare la torta». – «Однажды они найдут этот торт». И снова опустил голову на подушку.

Мой знакомый усмехнулся и сказал, что это единственные слова, которые еще может произносить бедолага, и поэтому его здесь прозвали «Тортом», прозвище, с которым он появился в этом доме и которое он, очевидно, носил всю жизнь еще в своей деревне. Но что было причиной этого, никто не знал, и к нему не приходили родственники, которых можно было бы спросить об этом.

Я подошел к постели старика, склонился над ним и спросил: «Dove vanno trovare la torta?» – «Где они найдут этот торт?»

Не открывая глаз, он ответил: «Nel lago». – «В озере».

Я спросил моего знакомого, не читал ли он тоже, что водная полиция недавно во время поиска утопленника в Лаго Маджоре обнаружила на его илистом дне большую жестяную коробку с надписью «Гранд Отель Локарно», в которой оказался запал, который мог быть частью какого-то взрывного устройства, и об этой находке появилось много разных догадок.

Едва я это сказал, как старик приподнялся в постели, широко раскрыл глаза и воскликнул: «L'hanno finalmente trovata!» – «Наконец-то они его нашли!»

«Торт? – спросил я и добавил: – Но там внутри был динамит!»

Тут появилась санитарка с обедом и весьма удивилась, увидев старика сидящим в постели, и удивилась еще больше, когда тот ясным голосом заявил мне, что мне стоит сейчас уйти и после обеда прийти опять, тогда он мне расскажет всю эту историю с тортом.

Я нашел поблизости остерию, где мне подали отличную поленту с ножкой кролика, и когда я после обеда снова вернулся в дом престарелых, я увидел, что старик как-то странно преобразился. Он сидел в кресле у окна в синем пиджаке с нагрудными галунами и в фуражке с надписью «Гранд Отель Локарно», и выглядел он так, будто бы он только и ждет, что его вот-вот кто-то попросит отнести чемоданы в номер. И то, что он стал рассказывать, делал он без запинки, я даже не мог поверить, что это все тот же хрипящий человек, которого я увидел сегодня утром.

«Присаживайтесь, – сказал он мне и указал на стул для посетителей, – я с вами не знаком, но так как вы сообщили мне новость о найденной коробке, я хочу рассказать вам эту историю. С Ригетти, – он кивнул головой в сторону своего большого диабетом соседа, – я уже поговорил, он тоже хочет послушать».

Меня зовут Эрнесто Тонини, я родился в 1904 году в этой долине, и я не знаю, имеете ли вы об этом представление – вы же из немецкой Швейцарии? – о том, как тогда здесь жили. Это была сплошная борьба за выживание, которая велась от низин долины до границ леса на склонах гор, каждый квадратный метр, на котором можно было хозяйствовать, был на счету, каждое каштановое дерево значило столько-то обедов для голодных желудков, детям часто приходилось на все лето уходить с козами и овцами к дальним альпийским лугам, и единственной пищей на всех было от трех до четырех литров козьего молока на день, во всех семьях было слишком много детей, и если мать умирала после рождения седьмого

ребенка, а отца на покосе кусала гадюка и не было противоядия под рукой, то детей отдавали родственникам, где они обычно должны были вкалывать с первых петухов до заката солнца, или, если повезет, они попадали в сиротский приют. Мне повезло, я попал в сиротский приют, и мне еще раз повезло, после школы я получил место мальчишка на побегушках в Гранд Отеле Локарно.

Естественно, и там пытались из нас выжать все, что только можно. Вставали мы в 5 утра, потом мы должны мести большую террасу и площадь перед отелем мы должны были бегать за булочками к пекарю, и горе тому, кого поймают, если он съест хотя бы одну из них, булочки на кухне подсчитывали и потом вычитали их цену из жалования, если можно было назвать жалованием 50 раппенов в день, а булочка стоила 10 раппенов. Я не хочу вас мучить дальше всем, что нам приходилось делать, скажу только еще, что младшие должны были отдуваться за все, что позволяли себе проделывать старшие. Мы жили по четверо в комнате с двумя двухэтажными кроватями, между которыми едва мог встать один человек, и для всех других, которые все были из Локарно, Асконы или Генеро, я был болваном из долины, у меня не было даже возможности видеть моих братьев и сестер, короче, я был одинок, несчастен и беден, и я каждый день должен был прислуживать людям, которые были общительны, веселы и богаты. Вот так я стал коммунистом».

Эрнесто Тонини усмехнулся и посмотрел на нас обоих. Видимо, на наших лицах отразилось некоторое удивление.

«Вы такого не ожидали, если я не ошибаюсь?»

Мы покорно кивнули, и он продолжал дальше.

«Мальчик из булочной, у которого я каждый раз покупал булочки, взял меня в один из моих редких свободных вечеров на собрание, которое происходило в маленькой типографии в Муральто, объясню, что значит собрание, – это было скорее сборище заговорщиков, шесть или семь человек, иногда еще одна девушка, Джульетта, дочь печатника, который рассказывал нам, как Маркс выдумал такой мир, где больше не будет бедных и богатых, где все принадлежит всем, и как товарищ Ленин поехал из Швейцарии в Россию и низложил там царя, чтобы построить такой мир, и что все-таки лучше пока ничего не говорить об этих идеях там, где ты сейчас работаешь, потому что у нас все еще правят богатые и нас за эти идеи могут моментально вышвырнуть из этого Гранд Отеля Локарно.

Эту предосторожность я соблюдал, но с того момента, как я оказался среди коммунистов, мир стал выглядеть для меня иначе. Я стал спокойнее и делал мою работу лучше, так как я уже знал, что это все не останется таким и что я однажды смогу пригласить в Гранд Отель, в номер с видом на озеро моих братьев и сестер, которые работали батраками, служанками или камнеломами, или были все еще в сиротском приюте.

Так как я выглядел опрятно и прилично, я получал время от времени чаевые и покупал себе маленькие учебники немецкого, французского и английского, их я носил в карманах и во время моих побегушек доставал, чтобы познакомиться с этими языками. Мы же, как повторял часто печатник, являемся ячейкой, и вполне возможно, что кого-то из нас рано или поздно могут послать за границу, туда, где творится мировая история.

Когда я носил чемоданы иностранных гостей, я все время пытался сказать что-то на их языке и у них поучиться. Это сделало меня любимцем, и порой

гости сами просили, чтобы именно маленький Эрнесто проводил их на вокзал или принес им чай в номер. Это не осталось в отеле без внимания, и через три года стали мне доверять службу на этаже и время от времени ставили помощником официанта. А дважды в месяц по вечерам я слушал на наших собраниях, как товарищ Ленин вывернул Россию наизнанку, однако в Мюнхене республика Советов не удалась, и это должно быть для нас предостережением, насколько трудно делать у нас революцию.

И вот, как-то внезапно, мировая история пришла в Локарно. Осенью 1925 года собрались премьер-министры из половины Европы именно здесь, в Тесине, чтобы обсудить итоги Первой мировой войны. Насколько я понял, речь прежде всего шла о том, чтобы снова сделать Германию нормальным членом Европы. То, что Германия таковым еще не считалась, мы заметили по тому факту, что все делегации, кроме Германии, располагались у нас в Гранд Отеле – англичане, французы, итальянцы, бельгийцы, и, погодите, да, чехи тоже были там, они прибыли несколько позже, господин Бенеш и его супруга, которая всегда была в своей соломенной шляпе, и поляки.

Весь Локарно высыпал из своих домишек на улицу в эти четырнадцать дней. От двухсот до трехсот журналистов носились каждый день к Дворцу юстиции, где происходили заседания и куда им доступа не было, и потом в Гранд Отель на пресс-конференции, где они тоже ничего не успевали узнать, и затем к «Объединению банков», откуда они могли звонить по телефону и телеграфировать.

Политики, чьи имена были известны только из газет, появились вдруг на всеобщее обозрение, немец Штреземан со своей сияющей лысиной пил по вечерам на Пьяцца Гранде свое пиво, француз Брин, маленький и несколько сутулый, сходил однажды в кино, Чемберлена, британца, наблюдали вместе с женой на прогулке вдоль Лидо, и мы в Гранд Отеле видели их, естественно, совсем близко, за завтраком или за обедом, и персонал старался с раннего утра до позднего вечера, и никто из нас не имел права отсутствовать. Однажды шеф-повар схватил меня около двенадцати на задней лестнице, когда я, смертельно уставший, хотел спуститься в мою комнату, и заставил меня помогать ему намазывать хлебцы, которые я должен был потом разносить на полночную пресс-конференцию, и я услышал, как Гранди, правая рука Муссолини, угрожал всем итальянским журналистам, что если завтра вдруг появится хотя бы одно слово о проекте договора в их газетах, эти газеты будут тут же запрещены. И потом я подавал этим журналистам мои хлебцы, а Луиджи, второй помощник официанта, разливал им шампанское. Так я понял, что значит свобода прессы, и мне стало ясно, почему наш печатник с таким возмущением говорил о фашистах.

Не только весь Локарно был в возбуждении, но и наша маленькая ячейка. Коммунисты, как учил наш печатник, должны быть категорически против этих переговоров.

Германия, которая снова стала влиять, усиливает правые и буржуазные силы в Европе и таким образом мешает революционному перевороту. Вот почему эту конференцию по мнению коммунистов следует саботировать.

Как это уже некогда делали коммунисты, я узнал, когда печатник после нашего собрания и незадолго до начала конференции задержал меня и сказал, что, поскольку я работаю в Гранд Отеле и нахожусь рядом с политиками, не вызывая у них подозрения, все товарищи ожидают от меня великого подвига ради миро-

вой революции. «Какого подвига?» – спросил я, и тогда он открыл портфель, в котором лежало несколько брусков динамита, и показал мне, как надо поджигать бикфордов шнур. «Он рассчитан на 10 секунд, – сказал он, – чтобы ни у кого не было времени, чтобы успеть спастись».

Я побледнел. «Это значит...»

«Да, Эрнесто, это значит, что твое имя будет стоять во всех учебниках истории. И Пьяцца Гранде будет называться площадью Эрнесто Тонини. Понятно?»

«Понятно, шеф».

«Пролетарии всех стран,

– соединяйтесь», – пробормотал я и отправился домой с портфелем под мышкой, и так как у меня к тому времени уже была отдельная комната величиной с хороший чулан, я положил динамит в чемодан, который хранился у меня под кроватью.

Я быстро пришел к своему решению. Моя жизнь до этой поры была тяжела и безрадостна, друзей кроме ячеек у меня почти не было, особых шансов продвинуться в гостиничном деле я не имел, жалеть обо мне будет некому, зато мое имя узнает весь мир, и мои братья и сестры когда-нибудь будут пить лимонад на площади моего имени».

Эрнесто Тонини замолчал и попросил меня подать ему стакан с чаем с ночного столика, и когда его передал ему, он выпил чай небольшими глотками и облизал языком свои пересохшие губы.

Я налил ему из чайника еще один стакан, но он отклонил его и продолжил свой рассказ.

«Конференция началась, и вопрос был в том, как я смогу за один момент задержать как можно большее количество участников. Кроме того, что было проверено крепление люстры, которая висела в вестибюле в пролете четвертого этажа, одной из мер предосторожности было то, что делегации во время обеда рассаживались как можно дальше друг от друга, так что мне приходилось выбирать, на какую из делегаций совершить покушение.

Самыми важными в сфере моей досягаемости были, несомненно, английская и французская делегации. Я уже решил выбрать английскую, так как Чемберлен был председателем конференции и так как мадам Бриан дала мне чаевые, когда я ей доставил в гостиничный номер букет цветов от градоначальника.

И тут случай предоставил мне возможность, за которую мне будет благодарна история.

Одним из самых важных гостей, которые входили и выходили из нашего отеля и перед кем все вытягивались в струнку, был француз по имени Лушер. Это был капиталист из учебника, печатник называл его имя с особой ненавистью, когда говорил о нищенских зарплатах пароходного общества и железных дорог Чентовалли, ибо те принадлежали господину Лушеру, к тому же именно его заслугой было то, что конференция состоялась не где-нибудь, а здесь, в Локарно.

Так вот, месье Лушер заказал у кондитера отеля большой торт, который на следующий день должен быть доставлен на его теплоход «Фьор д'аранчия». На этот корабль, как вскоре просочились сведения, будут приглашены самые главные персоны этой конференции на прогулку по озеру, там они смогут продолжить свои дебаты в более приятной атмосфере.

Богатое тессинское блюдо с мерло и зеленым велтинером должно быть накрыто на стол в расчете на 12 персон, и позднее во время прогулки надо будет подать к кофе этот огромный торт. К моему удивлению, назначили именно меня доставить торт на борт и там во время обслуживания велели быть под рукой у старшего официанта. Это было связано с большим вечерним банкетом, на подготовку к которому будут брошены все наличные силы, с другой стороны сыграло свою роль и то, что я мог худо-бедно объясниться на немецком, английском и французском.

Вы можете себе представить, что я почти не спал в эту ночь, и вы, вероятно, можете себе представить еще, как я на следующий день доставил динамит на судно. Этот торт был как бы двухэтажным, и кондитер написал на нем взбитыми сливками слова «Мир» и «Локарно». Торт уложили в большую жестяную коробку, которую закрыли на защелки, и когда я взял его на кухне, я прошел сначала с ним в свою комнату, открыл коробку и засунул бруски динамита как можно глубже в массу торта, так что оттуда высовывался только запальный шнур.

Потом я снова закрыл коробку и понес ее как некое чудовище кратчайшим путем вниз, где меня уже ждал главный официант. Так как помещение в корабельном салоне было очень тесным, он приглядел для него место под одним из сидений на нижней палубе, что имело свои преимущества, ибо тогда торт оставался в прохладе, как-никак была уже середина октября. Туда я его и поставил и стал в полуха выслушивать указания официанта по обслуживанию. Главное, я нащупывал спички в моем кармане. Я был готов к свершению мировой истории.

Министры и высокие секретари один за другим, Чемберлен, Бриан, Штреземан, Лутер, Сциайола и как они там еще назывались, ничего не подозревая, вступили на борт корабля, который увлечет их в погибель, и их поприветствовал сам господин Лушер, затем корабль отчалил в направлении Луино, и все они потянулись к своим бутербродам, блюдам и ломтикам салями, зазвенели сдвигающиеся бокалы с белым вином, то и дело можно было слышать слово «Союз народов». И вот тут случилось нечто неожиданное.

Вы можете понять, что я в ожидании того, что должно произойти, был весьма на нервах, и тут я пролил на платье единственной даме на борту, леди Чемберлен, немного белого вина, что вызвало гневный взгляд моего старшего официанта, в то время как леди Чемберлен пристально посмотрела на меня и спросила: «Are you in love, young man?»

И в этот момент мне вдруг стало ясно, что я действительно влюблен, а именно в Джульетту, дочь печатника, на которую я часто заглядывался, когда она нам, заговорщикам, приносила что-нибудь выпить и потом снова уходила, и я замечал, что я уже давно жду случая, чтобы встретиться с ней где-нибудь наедине, пригласить ее на прогулку, и я с этой мечтой не просто играл, но я горел ею, я мечтал поцеловать и обнять эту девушку, и тут я понял, что я ни в коем случае не хочу войти в мировую историю, пока я еще ни разу не погулял с девушкой, и, к моему большому удивлению, я сам услышал свой неожиданный ответ: «Yes, am, Madame, and I beg your pardon».

Здесь Эрнесто Тонини цепко схватился за поручни кресла, подался из последних сил всем своим щедедушным телом вперед, проникновенно посмотрел на нас и затем продолжил:

«И вот наступил момент, когда старший официант приказал мне принести торт, я прошел на нижнюю палубу и не нашел никакого другого способа себе помочь, как намеренно споткнуться на последней ступеньке трапа и выронить жестяную коробку с тортом, на котором было написано «Мир» и Локарно», за борт в озеро, где он медленно затонул.

Гнев старшего официанта не ведал границ, и месье Лушер тоже прошипел мне по-французски «идиот» и «кретин», и если бы не леди Чемберлен, которая положила руку мне на плечо и примирительно сказала: «He is in love, gentlemen – why don't you love each other too?» – я бы получил на месте немало оплеух.

Таким покрасневшим, как в тот раз, больше я никогда не был, и кто знает, была бы Германия принята в Народный совет, если бы не вопрос леди Чемберлен о влюбленности, и, таким образом, я все-таки немного повлиял на ход мировых событий. Естественно, эта история тотчас же распространилась повсюду, и все мои коллеги стали называть меня с этой поры только «Тортом»; и если бы леди Чемберлен не вступилась за меня перед директором отеля, меня бы несомненно вышвырнули бы оттуда.

Что было в этом торте, никто об этом не узнал никогда, но на следующий день я пришел к печатнику и сказал ему, что его динамит лежит на дне Лаго Маджоре в жестяной кухонной коробке и что следующее покушение пусть лучше совершает он сам, вместо того чтобы поручать это такому болвану, как я, и что я больше не приду на его собрания и вообще больше не верю в коммунизм, потому что ради него надо убивать таких милых людей, как господин и фрау Чемберлен, и еще при этом самому погибнуть.

Тем не менее, я дал ему слово никому об этом не рассказывать, за что он был мне весьма благодарен, и, впрочем, со временем он стал моим тестем, потому что Джульетта полюбила меня, но мы с ней целовались и обнимались лишь недолгое время, пока мы были вместе, потому что она скоро, юная и бездетная, умерла от туберкулеза, но я люблю ее и сегодня, я люблю ее и леди Чемберлен, потому что они обе не позволили мне войти в мировую историю».

Старик обессиленно опустился в свое кресло, и какое-то время в комнате царил тишина. Потом он попросил меня принести с туалетного столика два стакана для зубных протезов и сполоснуть их, потом открыть нижний ящик его шкафа. Там, позади его маленького чемодана, в котором он некогда был вынужден прятать динамит, стояли бутылка грапы и оловянный бокал с надписью «Гранд Отель Локарно».

Сам он не стал пить, но нам, не пролив ни капли, хотя руки его дрожали, он наливал собственноручно, и мы пили, пока на улице не пошел дождь и постепенно стемнело, и мы выпили всю бутылку маленькими и медленными глотками.

Когда мой знакомый позвонил мне через два дня, так как наш обмен участками был разрешен земельным ведомством, он мне сообщил, что Эрнесто Тонини мирно скончался той же ночью.

Перевел с немецкого Вячеслав Куприянов

